

В. В. Вострикова

ТРАКТОВКА ДЕМОКРАТИИ В РОССИЙСКОЙ ЛИБЕРАЛЬНОЙ МЫСЛИ НАЧАЛА XX в.

Модель либеральной демократии, получившая правовое оформление в Конституции 1993 г., в российских условиях сработала не так, как должна была бы сработать согласно опыту ее функционирования в странах Запада. Проявившиеся в различных областях общественной жизни негативные последствия ее реализации привели к дискредитации в массовом сознании самой идеи демократии, что, в свою очередь, может привести к катастрофическим последствиям для судьбы страны, поскольку цивилизационный прорыв к постиндустриальному (с выходом к информационному) обществу возможен лишь при свободном обмене информацией и открытости доступа к информации всех членов общества, т. е. в условиях демократического порядка. Осознание этого стимулирует общественно-политическую мысль современной России к поиску адекватной российским реалиям модели демократического развития, что неизбежно предполагает переосмысление самого феномена демократии. Последний не раз становился предметом анализа отечественных ученых, философов, политиков, публицистов, вызывая оживленные дискуссии. В частности, столетие назад свое понимание сущности и перспектив демократии в России предложили представители нового либерализма. Отсюда следуют несомненная политико-практическая актуальность обращения к их позиции. Кроме того, взгляды отечественных либералов интересны и с общетеоретической точки зрения, поскольку отличаются глубиной научного осмысления.

Однако несмотря на это, позиция представителей российского либерализма в отношении демократии не получила комплексного освещения в отечественной историографии. Существует ряд работ, затрагивающих данную проблему в той или иной плоскости¹. Исходя из историографической ситуации, в настоящей статье предпринимается попытка анализа представлений российских либералов начала XX в. о сущности демократии, ее базовых принципах, необходимых исторических условиях для их осуществления, а также перспективах реализации демократической идеи в России после свержения большевиков.

Проблема демократии оказалась в центре внимания либералов в послеоктябрьский период. И это не случайно. Находясь в эмиграции, либеральные деятели пытались осмыслить события, произошедшие в России в 1917 г., и, прежде всего, причину неудачи Временного правительства, стремившегося, как отмечал Н. В. Тесленко, воплотить в жизнь демократические принципы. Опыт Временного правительства, по мнению либерала, полностью разрушил широко распространенную в интеллигентской среде иллюзию, что введение демократических институтов само по себе сделает всех «счастливыми и довольными», приведет к разрешению злободневных общественных проблем². Доказательством ошибочности данной «политической аксиомы», с точки зрения либералов, служили и западные демократии. Кроме того, наблюдая сложившуюся здесь политическую практику, либеральные деятели видели ее явное несоответствие теоретическим представлениям о принципах демократического устройства. И, наконец, переосмыслить различные

аспекты теории демократии, в частности, вопрос о роли народных масс, либералов заставили события в Советской России.

Понятие демократии либералы относили к числу наиболее неясных политических дефиниций. Утрату этим понятием определенного содержания П. И. Новгородцев связывал с тем, что на протяжении XIX и XX столетий требование демократии в популистских целях эксплуатировали разнородные политические силы, вкладывая в него собственный смысл. В итоге оно «стало покрывать собою самые различные и часто совершенно противоречащие друг другу понятия»³. Кроме того, как отмечал П. И. Новгородцев, каждая историческая эпоха вносила свои коррективы в представление о демократии, так что это понятие претерпело весьма существенную эволюцию.

В качестве основополагающего принципа демократической доктрины либералы признавали теорию народного суверенитета. Последняя, по мнению П. И. Новгородцева, была выдвинута в противовес идее божественного происхождения власти, оправдывавшей абсолютизм, и послужила юридическим, философским и морально-этическим обоснованием правового государства⁴. Однако верховенство народа для либералов вовсе не означало фактического народовластия, полного совпадения власти с народом, ввиду практической неосуществимости этого, а предполагало зависимость власти от народа. Такая зависимость, указывали мыслители, устанавливается в случае избрания народом лиц, непосредственно осуществляющих власть. Отсюда утверждение либералов о непротиворечии принципа представительного правления идее народовластия⁵.

Рассматривая теорию народного суверенитета, новые либералы обратились к одной из ключевых проблем демократической концепции — вопросу о роли народных масс в истории. Дискуссия на эту тему, развернувшаяся в эмигрантских кадетских кругах, носила практический характер: либералы пытались осмыслить роль масс в событиях 1917 г. и первых лет Советской власти и, исходя из этого, обозначить перспективы демократии в России. Обсуждение данной проблематики выявило наличие в либеральной среде серьезных разногласий.

П. Н. Милюков, указывавший на конференции в Екатеринбурге в октябре 1918 г. на негативные результаты, к которым привела попытка осуществления неограниченного народовластия в русской жизни, в эмиграции пересмотрел свою позицию. По его мнению, за последние годы в России «школа жизни сделала больше, чем могла сделать практика представительных учреждений в течение многих десятилетий», так что сознательность масс «развилась до небывалых прежде размеров»⁶. Отсюда следует, что народ превращается из объекта в субъект политики, и политическим силам надо не диктовать ему свою волю, а понять и учесть то, чего он сам хочет⁷. П. Н. Милюков призывал поверить в созидательную силу масс, отстаивая, таким образом, идею строительства политических форм в России на основе принципа народного суверенитета.

Однако позиция милюковцев не встретила поддержки у остальных членов партии и, прежде всего, у ее правого крыла. Правые кадеты считали, что П. Н. Милюков оказался в плену заблуждения, свойственного части русской интеллигенции еще с XIX в. По мнению В. А. Маклакова, идея врожденной государственной мудрости народа, его имманентной способности к управлению, возникла тогда в противовес позиции власти имущих, прикрывавших свою боязнь политических перемен теорией о врожденной пассивности народа, который не только не хочет никакого самоуправления, но и, напротив, дорожит правом беспрекословно подчиняться самодержавной власти. Апелляцию к народовластию, утверждение о лучшем знании народом своих истинных потребностей либерал считал оправданными как контрприем против власти в последние дни существования

монархии, уверовавшей в безошибочность своей политики и упорствовавшей в нежелании понять требования времени. Но продолжать отстаивать этот лозунг после событий 1917 г., с точки зрения В. А. Маклакова, значило «заплясать на похоронах», поскольку «революция поскользнулась именно потому, что под влиянием теории — глас народа — глас Божий — народ заставили самого быть властью, решать все вопросы, не слушать хозяина, а... быть хозяином; на этом он провалился, потому что до этого он еще не созрел»⁸.

По убеждению правых кадетов, революционные события в полной мере продемонстрировали худшую сторону народной души, выразившуюся в стремлении к бунту «бессмысленному и беспощадному», а в послереволюционный период проявились симптомы морального разложения (дезертирство с фронта, участие в антирелигиозной кампании) и экономической развращенности (спекуляция) масс. На фоне разрушения старых государственных структур, по мнению В. А. Маклакова, это было чревато уничтожением России как великой державы, ее распадом на губернии, села, волости по принципу «мы калужские»⁹.

Дискуссия о принципе народовластия спровоцировала возобновление в кадетской среде давнего спора об избирательном праве. Как и в доэмигрантский период деятельности партии, полемика в основном развернулась вокруг принципа всеобщности голосования. Левым крылом кадетов он рассматривался как неотъемлемая составляющая демократического государственного устройства. В частности, П. Н. Милюков утверждал, что «всеобщее избирательное право есть... основной принцип всякого демократа»¹⁰. А кн. В. А. Оболенский указывал на неизбежность осуществления в постбольшевистской России всеобщего голосования, поскольку «большевизм произвел... слишком большой переворот в умах... чтобы возможно было вернуться, к какому бы то ни было куцему избирательному закону»¹¹.

Однако гораздо сильнее звучали в кадетских эмигрантских кругах голоса противников всеобщего избирательного права, причем в их число вошли не только представители правого крыла партии, но и центровики. Н. В. Тесленко, признавая всеобщность голосования в качестве одного из основных постулатов демократической доктрины, обращал внимание на его практическую нецелесообразность. Он солидаризировался с Д. С. Пасмаником, утверждавшим, что всеобщее голосование является игрушкой в руках ловких людей и нисколько не препятствует осуществлению различных политических махинаций в ходе выборов, а значит, как средство выражения воли масс, оно явно несостоятельно¹². Но для самого Д. С. Пасманика не этот аспект определял его резко отрицательное отношение к всеобщему избирательному праву. Главный порок последнего он видел в том, что массам, как правило, импонируют кандидаты «по их образу и подобию», которым они и отдают предпочтение, несмотря на совершенную неспособность таких кандидатов сознательно участвовать в управлении¹³. А правый кадет Велихов сравнивал всеобщее голосование с разрешением пользоваться револьвером ребенку¹⁴.

Вместе с тем, и правые кадеты вынуждены были признать, что в массах заключена огромная потенциальная энергия, делающая их вполне реальной исторической силой, и не считаться с этим нельзя. Как указывал В. А. Маклаков, «управление против воли и понимания народа есть безумие», ибо власти, проводящей такую политику, придется вместо управления вести постоянную борьбу с народом, все увеличивая пропасть между собой и массами, что в результате закончится катастрофой¹⁵. По мнению либерала, подлинная задача власти, сам смысл ее существования заключаются в служении народу. Но служение народу для либералов ни в коей мере не означало слепого подчинения массе, потворствования ее инстинктам. Они считали, что «служить народу — значит привести туда, куда ему нужно», т. е. разрешить объективно назревшие проблемы¹⁶. Согласно В. А. Маклакову,

последние всегда обусловлены самим ходом истории, разворачивающейся по своим особым законам, которые никто не в силах изменить, так что от воли народа зависит только разрешение первоочередных задач, но отнюдь не их постановка.

Анализируя исторический опыт, правые кадеты пришли к выводу о том, что массы зачастую не способны подняться до осознания общенациональных задач, а если это все же происходит, то не могут сами организовать их осуществление: им всегда нужен руководитель. Поэтому реальное управление даже в наиболее развитых демократических странах сосредотачивается в руках немногих. Об этом писал П. И. Новгородцев: «... в демократиях с естественной необходимостью над общей массой народа всегда выдвигаются немногие, руководящее меньшинство, вожди, направляющие общую политическую жизнь»¹⁷. В. А. Маклаков отмечал, что именно в этом «и состоит мудрость современной демократии и причина ее успеха, и даже условие ее возможности; если бы демократия посылала в правящий центр людей по своему образу и подобию, т. е. представителей трудящегося большинства по плечу этому большинству, то это был бы верный признак того, что она не понимает важности тех вопросов, которые перед ней ставятся, не понимает и своей собственной ответственности»¹⁸. Таким образом, подлинная мудрость народа, его истинная роль в истории, по мнению либералов, заключается в том, чтобы сознательно подчиниться той силе, которая способна разрешить насущные государственные проблемы. Обращаясь к ситуации 20-х г. в Советской России, В. А. Маклаков утверждал, что здесь уже слышится исходящее из массы требование хозяина, который сможет мобилизовать общество на решение приоритетной задачи возрождения экономики страны, и это добрый знак начала пробуждения народного сознания от революционной оргии¹⁹. В. А. Маклаков высказывал убеждение в том, что в итоге здравый смысл в народе возобладает, и он сможет сознательно подчиниться работающей на общее благо власти. Это была совершенно иная трактовка выдвинутого П. Н. Милюковым лозунга веры в народ.

Но какая сила возьмет на себя ответственность за будущее России? Большинство оппонентов П. Н. Милюкова возлагали эту роль на интеллигенцию — «творческое меньшинство» нации. «Сила не в массах, а в творческом меньшинстве», — утверждал Д. С. Пасманик²⁰. Именно интеллигенция, по мнению либералов, могла осознать в полной мере объективные потребности страны и заставить «расходившуюся массу подчиниться тому, что для нее же нужно»²¹. Ради достижения этой цели кадеты допускали даже как полемический прием, как своеобразную уловку использование милюковского лозунга подчинения массам. По этому поводу В. А. Маклаков писал: «Может быть, нужно вслух говорить, что мы служим народу не в том смысле, что мы работаем для него, но и в том, что мы считаем его волю законной», но всерьез принимать такие декларации и руководствоваться ими на практике нельзя²². По замыслу либералов, в России интеллигенция должна взять на себя функцию воспитателя масс, содействовать росту их культурного, прежде всего, образовательного, уровней, чтобы таким образом подготовить к участию в политической жизни. На интеллигенцию возлагалась и роль творца новых политических форм, ибо в народе разрушительные стихийные силы преобладают над созидательными. В. М. Бухштаб сравнивал народ с паром, который, только будучи посажен в цилиндр, творит полезную работу²³. Интеллигенция и должна была придумать этот цилиндр — политические формы, которые дадут народу возможность проявить свою созидательную силу. Необходимым условием успешности политического творчества интеллигенции либералы считали осуществление социально-экономических преобразований, целью которых должно было стать уничтожение «класса пролетариев», формирование в массах, прежде всего в среде рабочих и крестьян, чувства собственности.

Практически трактовка роли масс, предложенная оппонентами П. Н. Милюкова, вела к пересмотру понятия демократии, ибо массам отводилась отнюдь не верховенствующая роль. Помимо размышлений либералов о роли творческого меньшинства, наглядной иллюстрацией тому могут служить их высказывания на тему героев и толпы. Так, по убеждению Д. С. Пасманика, знаменитый спор «герои и толпа» однозначно разрешается в пользу героев. Подлинными творцами истории, утверждал он, всегда были сильные личности, умевшие подчинить своей воле массы и использовать в собственных целях их огромную энергию. В качестве яркого примера либерал приводил деятельность Ленина, который по возвращении в Россию в апреле 1917 г. разочаровал даже своих сторонников, но постепенно сумел овладеть толпой и завоевать с ее помощью власть²⁴.

Неотъемлемыми составляющими понятия демократии либералы признавали принципы свободы и равенства. Как указывал П. И. Новгородцев, в науке прочно закрепилось определение демократии как свободного правления, *free government*, что демонстрирует, «в какой мере понятие свободы неразрывно сочетается с представлением о демократической форме государства и как бы исчерпывает это понятие»²⁵. «Демократия означает возможно полную свободу личности, свободу ее исканий, свободу состязания мнений и систем», — писал П. И. Новгородцев²⁶. По его мнению, удачное обозначение для присущего демократии духа свободы предложил Х. Кельзен, назвав ее «системой политического релятивизма», которая, отрицая абсолютное господство какого-либо одного политического порядка, направления, «открывает для каждого убеждения возможность проявлять себя и в свободном состязании с другими убеждениями утверждать свое значение»²⁷. Вместе с тем, либералы предостерегали от восприятия свободы как анархии, особо подчеркивая органическую связь свободы с твердостью закона и власти, ибо в противном случае результатом могло стать разрушение самих основ государственной жизни.

Принцип свободы, с точки зрения мыслителей, находил логическое продолжение в идее равенства. «Мы требуем для человека свободы во имя безусловного значения человеческой личности, и, так как в каждом человеке мы должны признать нравственную сущность, мы требуем в отношении ко всем людям равенства», — указывал П. И. Новгородцев²⁸. В обеспечении для всех равных прав и возможностей либералы видели величайшее достоинство демократии²⁹. Однако необходимо учесть, что они имели в виду политическое и гражданско-правовое равенство, а отнюдь не экономическое. Именно гражданско-правовое равенство, которое, по мнению Н. В. Тесленко, практически воплощается в свободе слова, собраний, равенстве перед законом, ослаблении бюрократического строя, развитии местного самоуправления, и обеспечивает подлинную свободу личности. Экономическое равенство он считал противоречащим свободе и прямо указывал, что «оно останется навсегда вечной утопией, если человечеству предстоит развиваться в направлении свободы личности», более того, «чем дальше в этом направлении будет идти человечество, тем больше будет развиваться экономическое неравенство»³⁰. Вместе с тем, либералы отмечали непреодолимое стремление масс именно к экономическому равенству, которое представляло для последних настолько большую ценность, нежели политическая свобода, что они готовы были отказаться во имя него от свободы. Одним из исторических подтверждений этого идеологи отечественного либерализма считали события в Советской России, где свобода, а значит и демократия, были принесены в жертву экономическому равенству.

Нетрудно заметить, что, размышляя над соотношением свободы и равенства, либеральные деятели вынуждены были признать не только определенную взаимную обусловленность данных принципов, но и их антиномичность. Свобода неизбежно

предполагает неравенство, отмечал П. И. Новгородцев, более того, личность сама стремится к нему как проявлению своей индивидуальности. «Стремление быть самим собою, быть верным своему внутреннему идеалу, голосу своей души, своей совести есть то, что составляет драгоценнейшее достояние человека, и это достояние не может быть ему заменено никакими удобствами и преимуществами внешнего положения, уравнивающего его с другими», — писал либерал³¹. Причем человеку свойственно стремиться к неравенству не только по отношению к другим, но и в отношении самого себя, стараться превзойти не только их, но и себя, поднимая свой идеал, стать выше того, кем был ранее. Так что, с точки зрения развития личности, примат свободы над равенством для либералов был очевиден.

Вслед за А. Токвилем российские либералы отмечали, что неконтролируемое развитие равенства чревато серьезной угрозой свободе индивида — тиранией большинства, ведущей к нивелировке общества. Как указывал В. А. Маклаков, исторически сложилось, что борьба за демократию всегда начиналась с выступления против привилегий меньшинства за равные права для всех³². Это сформировало убеждение, что большинство имеет самостоятельное преимущество, всегда занимает безошибочную позицию в процессе поиска разрешения общественных проблем, а меньшинство должно безоговорочно ему подчиняться. Однако, констатировали либералы, многочисленные исторические факты свидетельствуют о том, что справедливость не всегда там, где ее видит большинство, оно тоже может ошибаться. «Справедливость какого-либо суждения, — писал П. И. Новгородцев, — определяется внутренними признаками, а не количеством признающих его голосов», тем более, что политическая практика показала, что само большинство нередко создается с помощью различных политических уловок, путем обмана и даже насилия³³. Вместе с тем, по убеждению мыслителя, не меньший ущерб свободе личности наносит и стремление меньшинства навязать свою волю большинству. «Если 99 принуждают к чему-либо одного, совершается не меньшее нарушение справедливости, чем если один принуждает 99», — утверждал П. И. Новгородцев³⁴. Проблему разрешения противоречий между мнениями большинства и меньшинства либералы считали одной из важнейших для демократии. Как отмечал В. А. Маклаков, подлинная демократия осуществляется тогда, когда принятие решений основывается на поиске компромисса между различными позициями. Только такой способ гарантирует достижение всеобщего блага и обеспечение справедливости³⁵.

Таким образом, утверждая в качестве базовых демократических принципов народовластие, свободу и равенство, либералы отдавали безусловный приоритет свободе. Их концепция демократии основывалась на признании личности как абсолютной ценности, обеспечение прав и свобод которой было для либералов высшим нравственным критерием справедливости практического воплощения идеи народовластия, что позволяет считать отечественных мыслителей сторонниками либеральной теории демократии. Недвусмысленно об этом заявил Е. Н. Трубецкой. «Есть два типа демократизма, два противоположных понимания демократии, — писал он. — Из них одно утверждает народовластие на основе силы; с этой точки зрения народ не ограничен в своем властвовании никакими нравственными началами... Такое понимание демократии несовместимо со свободой: с точки зрения права силы не может быть речи о каких бы то ни было неприкосновенных, незыблемых правах личности... Таким образом понятая демократия вырождается в массовый деспотизм... Другое понимание демократии кладет в основу народовластия незыблемые нравственные начала, и прежде всего — признание человеческого достоинства, безусловной ценности

человеческой личности как таковой. Только при таком понимании демократии дело свободы стоит на твердом основании, ибо оно исключает возможность низведения личности на степень средства и гарантирует ее свободу независимо от того, является ли она представительницей большинства или меньшинства в обществе»³⁶.

Модель демократии, обоснованная либералами, требовала сознательного восприятия массами демократических ценностей, определенного нравственного уровня. По терминологии Д. С. Пасманика, это уровень культурности народа, показателями которого являются распространение грамотности, степень сознательности каждого индивида, а также активность общественных организаций³⁷. П. И. Новгородцев указывал, что осуществить идею народовластия сможет лишь народ, «созревший для управления самим собою, сознающий свои права и уважающий чужие, понимающий свои обязанности и способный к самоограничению»³⁸.

Степень культурности народа была для либералов важнейшим, но не единственным условием успешности осуществления демократических принципов. Наряду с ней в перечень таковых включались достаточно высокий уровень экономического благосостояния граждан, наличие политической элиты, имеющей опыт управления, а также преобладание в общественном сознании национальных ценностей над классовыми. Кроме того, Н. В. Тесленко считал, что демократический механизм может эффективно функционировать только в мирное время, а в условиях войны необходимо приостановление деятельности, либо вообще ликвидация демократических учреждений и передача власти отдельным лицам³⁹.

Либералы утверждали, что элементы демократии следует вводить постепенно, по мере созревания условий в стране, а значит, формирование этого типа политического режима является результатом длительной исторической эволюции. Это была концепция демократии как процесса. Мыслители предостерегали от попыток воплощения в жизнь демократических принципов без наличия необходимых условий, ибо они не только обречены на провал, но и дискредитируют саму демократическую идею. События недавних лет и в мировом, и в российском масштабе подтвердили справедливость этого замечания.

Кроме того, либералы неоднократно указывали, что реализация демократических принципов должна осуществляться с учетом особенностей конкретной страны, тем самым утверждая понимание демократии как развивающегося института, допускающего «всякую политическую возможность, всякую хозяйственную систему, лишь бы это не нарушало начала свободы»⁴⁰. Однако практика показала, что несомненно позитивная идея исторического творчества при длительности такого состояния может вызвать социальную усталость, спровоцировать всплески в массах анархических либо авторитарных настроений.

Признавая противоречивость, хрупкость демократических принципов, либералы все же отмечали, что демократия остается вершиной социального творчества человечества, наиболее привлекательной формой социальной жизни. Кризис демократии, который они вынуждены были констатировать как общемировую тенденцию, мыслители объясняли прежде всего искажением демократической идеи при проведении ее в жизнь. Выход же из кризиса представлялся либералам сложным и длительным, ибо, в их понимании, был сопряжен с духовным изменением общества, утверждением приоритета нравственных ценностей над материальными, религиозным возрождением, по образному выражению П. И. Новгородцева, «восстановлением святынь»⁴¹.

В целом анализ представлений российских либералов начала XX в. о демократии позволяет сделать ряд выводов.

В эмигрантский период новыми либералами была предложена оригинальная концепция демократии, основные положения которой явились результатом осмысления

политического опыта западных стран, но, прежде всего, событий 1917 г. в России и первых лет становления Советской власти. Таким образом, либералами была предпринята попытка конструирования модели демократии, с их точки зрения, адекватной российской ментальности и политической традиции. Однако либеральную модель демократии, базисным элементом которой выступал принцип свободы личности — главный постулат либерализма, вряд ли можно признать соответствующей ценностным ориентациям масс в 20-е г. прошлого века, да и сегодня, спустя почти столетие, для большинства россиян равенство значит гораздо больше свободы. Вместе с тем, несмотря на специфику восприятия либералами демократических лозунгов, можно утверждать, что между новым либерализмом и демократией существует взаимосвязь, что справедливо замечено В. В. Шелохаевым⁴². Об этом же открыто заявлял П. Б. Струве еще в период оформления программатики либерального движения. «Мы принимаем как необходимые и неизбежные демократические последствия либерализма, — писал он в „Освобождении“. — Свобода... есть непременно свобода всех, а не только некоторых»⁴³.

Анализируя феномен демократии, отечественные либералы сумели обозначить ряд особенностей становления и функционирования этого типа политического режима, справедливость которых подтвердила история демократии в XX столетии, в т. ч. и российский опыт двух последних десятилетий.

Во-первых, либералы отмечали, что развитие демократии идет в контексте общего модернизационного процесса, охватывающего все сферы общественной жизни и, прежде всего, экономику. Отсюда опасность попыток «введения демократии» в кратчайшие исторические сроки без учета уровня благосостояния населения, поскольку это ведет к дискредитации принципа свободы, ведь, как указывал П. И. Новгородцев, для малоимущих слоев населения свобода личности может остаться недостижимым благом, закрепленным юридически, но фактически отнятым⁴⁴.

Во-вторых, либералы утверждали, что становление демократии неизбежно предполагает изменение характера глубинных социальных связей, а не простое реформирование политических институтов. Они предостерегали от восприятия демократии как совокупности процедур представительного правления, настаивая на том, что демократия предполагает определенную систему ценностных ориентаций населения. Тем самым мыслители поставили вопрос о социокультурном измерении демократии, обозначили взаимную обусловленность демократии и гражданского общества.

В-третьих, либералы были противниками интерпретации демократии как простого численного большинства населения, ибо это ведет к господству коллективной посредственности и изолирует от политического процесса критически мыслящие меньшинства и выдающиеся личности. Мыслители считали, что учет позиции меньшинства, гарантии его прав есть необходимый критерий подлинного демократизма. Это утверждение стало аксиомой современной демократической доктрины. Одновременно все больше сторонников получает мнение либералов о значительной роли в истории творческого меньшинства. «Все решает человеческая личность, а не коллектив, elite страны, а не ее демос», — писал, в частности В. И. Вернадский⁴⁵. С его мнением перекликаются сегодняшние размышления О. В. Волобуева об инициативном меньшинстве как движущей силе истории⁴⁶.

В-четвертых, в настоящее время одной из наиболее привлекательных черт демократического режима признается «имманентно присущий демократии поиск баланса социальных интересов не только на уровне социальных групп и слоев, но и многообразных индивидуальных, личностных интересов»⁴⁷, что подмечали либеральные мыслители.

В-пятых, отстаивая права и свободы личности как своеобразный противовес всемогуществу народного суверенитета, либералы вместе с тем указывали на опасность перерастания принципа индивидуальной свободы в гипертрофированный индивидуализм, отвергающий «всякое обязывающее начало к совместной жизни членов общества»⁴⁸. С этой проблемой столкнулись сегодня развитые демократии. Возможно, что в поисках ее разрешения следует вспомнить мысль представителей российского либерализма о том, что демократия более, нежели какая-либо другая форма человеческого общежития, нуждается в нравственной составляющей, и для нее недостаточно одного механического повиновения граждан закону, а требуется определенная «степень солидарности и подчинения своих интересов общему благу»⁴⁹.

В-шестых, сегодня очевидно справедливость утверждения либералов об опосредованности демократии и правового государства, о том, что подлинная демократия невозможна без работоспособной правовой базы.

Восприятие либералами демократии как «распутья» (П. И. Новгородцев), как системы исторического творчества может послужить стимулом для поиска модели демократии, адекватной современной России.

¹ *Катицева Н. И.* Эволюция идеологии и программы кадетской партии в период гражданской войны и эмиграции // *Русский либерализм: исторические судьбы и перспективы.* М., 1999; *Князев В. В.* Философско-правовая концепция П. И. Новгородцева. Белгород, 2004; *Новикова Л. И., Сиземская И. Н.* Три модели развития России. М., 2000.

² Протоколы Центрального комитета и заграничных групп конституционно-демократической партии: 1905 — середина 1930-х гг.: в 6 т. М., 1999 Т. 6. Протоколы заграничных групп конституционно-демократической партии. Кн. 2. 1922–1933. С. 133.

³ *Новгородцев П. И.* Демократия на распутье // *Новгородцев П. И.* Соч. М., 1995. С. 389–390.

⁴ *Новгородцев П. И.* Кризис современного правосознания. М., 1909. С. 243.

⁵ Протоколы Центрального комитета и заграничных групп конституционно-демократической партии: 1905 — середина 1930-х гг.: в 6 т. М., 1999 Т. 6. Кн. 2. С. 115.

⁶ *Милюков П. Н.* Республика или монархия? Париж, 1929. С. 28.

⁷ Протоколы Центрального комитета и заграничных групп конституционно-демократической партии: 1905 — середина 1930-х гг.: в 6 т. М., 1996. Т. 4. Протоколы заграничных групп конституционно-демократической партии, май 1920 г. — июнь 1921 г. С. 444.

⁸ В. А. Маклаков — Б. А. Бахметьеву, 30 августа — [5 сентября] 1921 г. // «Совершенно лично и доверительно!»: В. А. Бахметьев — В. А. Маклаков. Переписка. 1919–1951: в 3 т. / под ред. О. Будницкого. М., 2001. Т. 1. Август 1919 — сентябрь 1921. С. 454, 452.

⁹ В. А. Маклаков — Б. А. Бахметьеву, 30 августа — [5 сентября] 1921 г. // «Совершенно лично и доверительно!»: В. А. Бахметьев — В. А. Маклаков. Переписка. 1919–1951: в 3 т. / под ред. О. Будницкого. М., 2001. Т. 1. Август 1919 — сентябрь 1921. С. 455–456.

¹⁰ *Милюков П. Н.* Три платформы Республиканско-демократических объединений (1922–1924). Париж, 1925. С. 29.

¹¹ Протоколы Центрального комитета и заграничных групп конституционно-демократической партии: 1905 — середина 1930-х гг.: в 6 т. М., 1999 Т. 6. Кн. 2. С. 132.

¹² Протоколы Центрального комитета и заграничных групп конституционно-демократической партии: 1905 — середина 1930-х гг.: в 6 т. М., 1999 Т. 6. Кн. 2. С. 134.

¹³ Протоколы Центрального комитета и заграничных групп конституционно-демократической партии: 1905 — середина 1930-х гг.: в 6 т. М., 1999 Т. 6. Кн. 2. С. 114.

¹⁴ Протоколы Центрального комитета и заграничных групп конституционно-демократической партии: 1905 — середина 1930-х гг.: в 6 т. М., 1996. Т. 4. С. 360.

¹⁵ В. А. Маклаков — Б. А. Бахметьеву, 30 августа — [5 сентября] 1921 г. // «Совершенно лично и доверительно!»: В. А. Бахметьев — В. А. Маклаков. Переписка. 1919–1951: в 3 т. / под ред. О. Будницкого. М., 2001. Т. 1. Август 1919 — сентябрь 1921. С. 452.

¹⁶ В. А. Маклаков — Б. А. Бахметьеву, 30 августа — [5 сентября] 1921 г. // «Совершенно лично и доверительно!»: В. А. Бахметьев — В. А. Маклаков. Переписка. 1919–1951: в 3 т. / под ред. О. Будницкого. М., 2001. Т. 1. Август 1919 — сентябрь 1921. С. 467.

¹⁷ *Новгородцев П. И.* Демократия на распутье // *Новгородцев П. И.* Соч. М., 1995. С. 397–398.

- ¹⁸ В. А. Маклаков — Б. А. Бахметьеву, 30 августа — [5 сентября] 1921 г. // «Совершенно лично и доверительно!»: Б. А. Бахметьев — В. А. Маклаков. Переписка. 1919–1951: в 3 т. / под ред. О. Будницкого. М., 2001. Т. 1. Август 1919 — сентябрь 1921. С. 449.
- ¹⁹ В. А. Маклаков — Б. А. Бахметьеву, 30 августа — [5 сентября] 1921 г. // «Совершенно лично и доверительно!»: Б. А. Бахметьев — В. А. Маклаков. Переписка. 1919–1951: в 3 т. / под ред. О. Будницкого. М., 2001. Т. 1. Август 1919 — сентябрь 1921. С. 477.
- ²⁰ Протоколы Центрального комитета и заграничных групп конституционно-демократической партии: 1905 — середина 1930-х гг.: в 6 т. М., 1999 Т. 6. Кн. 2. С. 138.
- ²¹ В. А. Маклаков — Б. А. Бахметьеву, 30 августа — [5 сентября] 1921 г. // «Совершенно лично и доверительно!»: Б. А. Бахметьев — В. А. Маклаков. Переписка. 1919–1951: в 3 т. / под ред. О. Будницкого. М., 2001. Т. 1. Август 1919 — сентябрь 1921. С. 457.
- ²² В. А. Маклаков — Б. А. Бахметьеву, 30 августа — [5 сентября] 1921 г. // «Совершенно лично и доверительно!»: Б. А. Бахметьев — В. А. Маклаков. Переписка. 1919–1951: в 3 т. / под ред. О. Будницкого. М., 2001. Т. 1. Август 1919 — сентябрь 1921. С. 457.
- ²³ Протоколы Центрального комитета и заграничных групп конституционно-демократической партии: 1905 — середина 1930-х гг.: в 6 т. М., 1999 Т. 6. Кн. 2. С. 137.
- ²⁴ Протоколы Центрального комитета и заграничных групп конституционно-демократической партии: 1905 — середина 1930-х гг.: в 6 т. М., 1999 Т. 6. Кн. 2. С. 113.
- ²⁵ Новгородцев П. И. Демократия на распутье // Новгородцев П. И. Соч. М., 1995. С. 393.
- ²⁶ Новгородцев П. И. Демократия на распутье // Новгородцев П. И. Соч. М., 1995. С. 392.
- ²⁷ Новгородцев П. И. Демократия на распутье // Новгородцев П. И. Соч. М., 1995. С. 393.
- ²⁸ Новгородцев П. И. Демократия на распутье // Новгородцев П. И. Соч. М., 1995. С. 394.
- ²⁹ Маклаков В. А. Из воспоминаний. Нью-Йорк, 1954. С. 382.
- ³⁰ Протоколы Центрального комитета и заграничных групп конституционно-демократической партии: 1905 — середина 1930-х гг.: в 6 т. М., 1999 Т. 6. Кн. 2. С. 135.
- ³¹ Новгородцев П. И. Кризис современного правосознания. М., 1909. С. 301.
- ³² Маклаков В. А. Из воспоминаний. Нью-Йорк, 1954. С. 400.
- ³³ Новгородцев П. И. Кризис современного правосознания. М., 1909. С. 211.
- ³⁴ Новгородцев П. И. Кризис современного правосознания. М., 1909. С. 225.
- ³⁵ Маклаков В. А. Из воспоминаний. Нью-Йорк, 1954. С. 401, 410.
- ³⁶ Трубецкой Е. Н. Два зверя // Смысл жизни / сост. А. П. Полякова, П. П. Апрышко. М., 1994. С. 302–303.
- ³⁷ Протоколы Центрального комитета и заграничных групп конституционно-демократической партии: 1905 — середина 1930-х гг.: в 6 т. М., 1999 Т. 6. Кн. 2. С. 132.
- ³⁸ Новгородцев П. И. Демократия на распутье // Новгородцев П. И. Соч. М., 1995. С. 396.
- ³⁹ Протоколы Центрального комитета и заграничных групп конституционно-демократической партии: 1905 — середина 1930-х гг.: в 6 т. М., 1999 Т. 6. Кн. 2. С. 136.
- ⁴⁰ Новгородцев П. И. Демократия на распутье // Новгородцев П. И. Соч. М., 1995. С. 401.
- ⁴¹ Новгородцев П. И. Восстановление святынь // Новгородцев П. И. Соч. М., 1995. С. 440–443.
- ⁴² Шелохаев В. В. Русский либерализм как историографическая и историософская проблема // Русский либерализм: исторические судьбы и перспективы. Материалы международной научной конференции. М., 1999. С. 31–32.
- ⁴³ Струве П. Б. Политика либеральной партии // Освобождение. 1904. 19 марта (1 апреля). № 20. С. 346.
- ⁴⁴ Новгородцев П. И. Право на достойное человеческое существование // Новгородцев П. И. Соч. М., 1995. С. 323.
- ⁴⁵ Цит. по: Волобуев О. В. Инициативное меньшинство — движущая сила истории: к постановке проблемы // Задавая вопросы прошлому. М., 2006. С. 12.
- ⁴⁶ Волобуев О. В. Инициативное меньшинство — движущая сила истории: к постановке проблемы // Задавая вопросы прошлому. М., 2006. С. 12–22.
- ⁴⁷ Степин В. С., Толстых В. И. Демократия и судьбы цивилизации // Вопросы философии. 1996. № 10. С. 7.
- ⁴⁸ Котляревский С. А. Предпосылки демократии // Опыт русского либерализма. Антология. М., 1997. С. 232.
- ⁴⁹ Котляревский С. А. Предпосылки демократии // Опыт русского либерализма. Антология. М., 1997. С. 231.